

Ю.Г. МИСНИКОВ

**ПРО ИЛИ CONTRA? ИССЛЕДОВАНИЕ
АКТУАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ
УЧАСТНИКАМИ ПУБЛИЧНОЙ ДИСКУССИИ
В РУССКОЯЗЫЧНОМ «ЖИВОМ ЖУРНАЛЕ»**

Вес общественного мнения в «социологии киберпространства»

Одну из своих статей Джеймс Силвер [Silver, 2009], журналист газеты «*The Guardian*», опубликовал под заголовком «Вес общественного мнения». В ней он пожаловался на читателей, которые, по его мнению, злоупотребляют своими комментариями. Последние он назвал грубыми атаками на журналиста. Независимо от причин такого отношения к реакции читателей на газетные статьи в Интернете, знаменательно, что такие комментарии классифицированы как общественное мнение, пусть и неприятное или даже неприемлемое. Как и любое проявление общественного мнения, комментарии читателей нуждаются в изучении и осмыслении.

Индивидуально генерируемый онлайн-контент (*UGC – User-Generated Content*) уже давно стал предметом академических и прикладных исследований; например, с использованием традиционных методов социальных наук, адаптированных к изучению среды Интернета [Hine, 2005; Doing Internet research, 1999; Kelly, Fisher and Smith, 2005; Riffe, Lacy and Fico, 2005; Stempel, Stewart, 2000; Hewson, Yule, Laurent, Vogel, 2003; Gruber, 2008; Network and netplay, 1998; Rafaeli, Sudweeks, 1997]. Такой контент, включающий как виртуальное «пространство» в целом, так и его отдельные

подвиды (тексты, веб-страницы, гиперссылки), рассматривается как разновидность артефактов Интернета.

Исследование социальных явлений в виртуальном облике получило название «социология киберпространства» (*sociology of cyberspace*). Она проводит веб-демографические обследования и занимается поведенческими аспектами социальных отношений в Интернете, используя виртуальные этнографические методы. То есть чтобы понять, как формируются, развиваются и поддерживаются интернет-сообщества, используются «натуралистические» способы изучения виртуальной социализации [Hine, 2005, p. 7]. Коммуникации посредством Интернета рассматриваются как средство объединения и мобилизации людей сходной культуры и взглядов на общественные процессы, разделяющих также определенные правила «подобающего» поведения, которые обуславливают способ общения [Guimaraes, 2005, p. 147]¹.

Такие методы активно используют средства графической визуализации как способ описания коммуникации в социальных сетях, когда, например, появление новых участников дискуссии отражается через графически представленные моменты повышенной активности [Dodge, 2005; Dodge, Kitchin, 2001, 2004; Donath, Karahalios, Viegas, 1999]. Другие техники визуализируют такой специфический тип контента, как политические пристрастия [Kelly, Fisher and Smith, 2005; Etling, Alexanyan, Kelly, Faris, Palfrey, Gasser, 2010], либо графически описывают дискурс-структуры целиком [Turoff, Hiltz, Bieber, Fjermestad, Rana, 1999]. Применение методик виртуальной социализации наиболее эффективно в изучении культурного феномена сетевых сообществ через виртуально-социальные взаимоотношения их членов. Проявление взаимности в социальных отношениях рассматривается через призму поведенческого «самораскрытия» между сетевыми коммуникаторами [Joinson, 2005, p. 27].

К последнему типу исследований можно отнести масштабный анализ российской блогосферы как публичного места политических дискуссий, осуществленного Центром Беркмана Гарвардского университета (США). Основывалось оно на сетевом анализе

¹ Кристин Хайн утверждает, что Интернет является культурным контекстом и артефактом одновременно [Hine, 2005, p. 9].

гиперссылок между активными блогерами и блогами, а также другими интернет-ресурсами и преследовало цель определить «структурные характеристики» политического блогинга в российском Интернете [Etling, Alexanyan, Kelly, Faris, Palfrey, Gasser, 2010, p. 7, 11]. При этом, наряду с исследованием сетевого взаимодействия гиперссылок, анализировались также тексты блогов, в частности записи самых активных авторов. Предполагалось, что если блогеры предпочитают взаимодействовать с близкими им по духу и (политическим) взглядам пользователями, демонстрируя тем самым взаимное самораскрытие, присущее конкретной культурной среде Рунета, то на основе их сетевых связей можно определить сообщества единомышленников и обрисовать контуры макро-структур политической блогосферы. Например, были выявлены кластеры либеральных, консервативных и националистических блогов. Автоматизированный анализ контента записей позволяет сформировать облако тематических тегов и, таким образом, выявить содержательную основу публичных дискуссий в блогосфере по критерию политических предпочтений, но не отражает такие характеристики дискуссий, как степень делиберативности и дискурсивности.

Поиск контента по заданным ключевым словам и тегам является распространенным методом исследования новых медиа. Этот подход позволяет проводить мониторинг блогов, основываясь на анализе мнений по определенному сюжету (политической проблеме или коммерческому продукту / бренду при анализе рынка), частоте упоминаний, перепечатках сообщений, их эмоциональной окраске и тональности, используемых источниках, и составлять облако тегов¹.

Подобные методы исследований эффективны в сборе большого количества онлайн-данных и их первичного анализа для выявления макро-трендов и структурных характеристик. Однако их эпистемологическая, познавательная ценность остается ограниченной, учитывая некоторую условность – и даже случайность, возникающую при автоматизированном считывании ключевых слов и последующем формировании облака тегов. Интерпретация

¹ Например, продукты Медиалогии: мониторинг блогов. – Режим доступа: <http://www.mlg.ru/solutions/pr/blogs/>

содержания текста в этом случае одновременно неполна и вариативна из-за неполноты (и избирательности) поиска. Так, в исследовании Центра Беркмана анализировались записи самых активных блогеров как наиболее репрезентативных представителей своих политических кругов. При чисто техническом считывании текста проблематичны распознавание, адекватная трактовка и кодировка дополнительного, иногда неявного смысла, вкладываемого авторами в свои записи. Часто также бывают ситуации, когда запись сделана неточно, очень кратко или неаккуратно и с трудом поддается интерпретации даже непосредственными участниками дискуссии (что видно из их ответов), знающими стилистические особенности автора.

Донат, Карахалиос и Виегас [Donath, Karahalios, Viegas, 1999, p. 1] предупреждают, что визуализацию социальных отношений и процессов следует использовать с осторожностью, поскольку неполнота¹ и субъективность записей онлайн-дискуссий может легко привести к неверным или поверхностным выводам, если методы графической визуализации не позволяют отобразить специфические социальные сигналы (намекы), которые авторы закладывают в свои тексты явно или неявно, для передачи более глубокого или даже скрытого смысла своих сообщений. Кроме того, как отмечает Хайн [Hine, 2005, p. 3–5], хотя эти и другие подобные методы виртуальной социологии и этнографии эффективны и не затратны, они, как полагает Ассоциация исследователей Интернета (Association of Internet Researchers), вызывают ряд вопросов этического или даже юридического характера. Это касается анонимного фиксирования исследователем процессов самораскрытия индивидов без их ведома и согласия².

¹ Как показывает практика интернет-дискуссий, одной или даже нескольких коротких записей недостаточно для выражения мнения по сложным вопросам общественной жизни в полном объеме и аргументированно; поэтому большую роль играют дискурсивная интерактивность и диалогичность (о роли интерактивной диалогичности [см.: Мисников, 2012]).

² Автор настоящего исследования согласен, что такая проблема может существовать, потому в нем, хотя и приводятся выдержки из отдельных постов в качестве иллюстрации и примеров, зарегистрированные имена (ники) их авторов не указываются.

Но если для исследования на макроуровне такой подход эффективен, то на микроуровнях нужны другие решения. Шнайдер и Фут [Schneider, Foot, 2005, p. 157–158] предлагают анализировать Интернет не с технологической точки зрения, а как пространство социальной деятельности, как медийную среду, где пользователи фактически выступают одновременно производителями и потребителями таких медийных материалов, как текст, видео, гиперссылки, страницы, сайты. При такой концептуализации действия пользователей подпадают под определение коммуникативного действия в публичной сфере с ее понятиями равного доступа к дебатам, плюрализма мнений, взаимности и ответственного поведения. Структурно и функционально медийная веб-сфера может систематизироваться в виде пятиуровневой пирамиды, базирующейся на индивидуальном опыте и навыках субъектов веб-среды и заканчивающейся масштабными медийными веб-пространствами, в которых публичное знание производится, концентрируется, потребляется, обменивается, обсуждается на уровне классов, объектов и явлений (рис. 1).

Рис. 1.

Функционально-структурная систематизация веб-пространства как медийной среды

Примечание: составлено автором на основе статьи Шнайдера и Фута [см.: Schneider, Foot, 2005].

Эффективность той или иной методологии отбора и исследования эмпирических данных зависит от ее способности учитывать ту специфическую роль, которую играют технологически-дизайнерские характеристики на каждом из структурных уровней веб-сферы в ее функционировании в целом и в содействии процессам коммуникативной социализации через, например, публичные дискурсы. Недостаточная дифференциация между технологическими и социальными качествами веб-медиа может вести к сомнительности доказательной базы и противоречивым интерпретациям изучаемых дискурсов. Так, вывод о провале интернет-дискуссии может быть вызван скорее неудачей выбора технологии или практики ее использования в определенном социальном контексте и при поставленных целях, чем провалом дискурса как такового, который просто не смог реализовать себя технически. Коммуникативный акт в Интернете остается явлением социально-политического участия, и поэтому необходимы методы, которые нацелены на исследование социального и технического как комплексных дискурсивных формаций, способных продуцировать новые знания через коллективный обмен мнениями и позициями. В конечном итоге концепция «виртуальной социологии» является концептуализацией «дискурсивной социологии». По мнению Хейскала [Heiskala, 1990], социология по сути есть дискурсивный метод изучения социального действия в обществе, а не только описание его социальной организации.

Цель, метод и предмет исследования

Основная цель исследования состояла в тестировании двух главных гипотез, основанных на обзоре литературы и результатах предыдущих исследований автора [Мисников, 2012; Misnikov, 2010, 2012]. Одна гипотеза утверждает, что использование хабер-масовских притязаний на значимость является эффективным аналитическим средством не только для оценки делиберативности онлайн-дискуссии, но и для выявления (и измерения) круга политических предпочтений ее участников. Согласно второй гипотезе, участники дискуссий в Рунете, в противоположность существующему в литературе мнению, более охотно общаются с носителями разных взглядов. Несогласие, как показали исследования автора на другом эмпирическом материале, – это движущая сила дискуссий.

Существует консенсус относительно того, что политические дискурсы являются неотъемлемой частью делиберативной демократии, а участие в них представляет важнейшую форму участия в политике. Более дискуссионна проблема делиберативности обычных политических дискуссий между рядовыми гражданами – как в виртуальном, так и в реальном формате. Мутц [Mutz, 2006] поднимает вопрос: может ли рутинный политический активизм быть делиберативным? Ее ответ отрицателен, по крайней мере, в отношении офлайновых дебатов. Она сомневается также и в продуктивности политических дискуссий для демократической политики как таковой, поскольку люди обычно предпочитают оставаться в кругу тех, кто соглашается с ними, и, таким образом, еще сильнее укрепляют свои устоявшиеся взгляды [Mutz, 2006, p. 3]. Комфортная обстановка не обязательно стимулирует политическую дискуссию, а это серьезное ограничение для реализации принципа равного и инклюзивного доступа к дискурсу в публичной сфере, делающее ее менее плюралистской и в результате – менее демократичной.

Существует и другое мнение. В отличие от реальной жизни, в виртуальном режиме граждане предпочитают дискутировать в более разнообразном кругу, где есть плюрализм мнений [Kelly, Fisher, Smith, 2005, p. 2–3, 31]. Чтобы быть по-настоящему демократичной, делиберативная дискуссия должна быть реализована в разнообразной и безличной (анонимной) среде [Bohman, 1996, p. 25]. Дискутанты более открыто обмениваются мнениями, когда они не осведомлены о социальном положении своих партнеров. Разница в социальном статусе может оказывать давление на участников дискуссии. Кроме того, общение в анонимной среде способствует развитию так называемого «дистанционного» доверия между незнакомцами, что весьма существенно для процесса демократической социализации и формирования атмосферы общественного доверия – основы стабильности общества [Putnam, 2000; Coleman, Anthony, Morrison, 2009, p. 3].

Тем не менее вопрос зависимости интерактивной взаимности (т.е. самораскрытия) от предпочтения выстраивать коммуникацию с партнерами со схожими взглядами остается открытым. В этом контексте следует ответить и на ряд других вопросов. Например, в какой степени дискутанты способны преодолеть стремление поддерживать целостность и гомогенность своих сетевых сообществ,

чтобы вступить в дискуссию в режиме анонимного диалога с носителями противоположных взглядов и таким образом формировать социально более разнообразные группы? Насколько эпистемологически продуктивными такие дискуссии могут быть в Интернете, т.е. возможно ли смоделировать сам процесс коллективного формирования мнения через публичную дискуссию? Последнее поможет лучше понять, какие проблемы волнуют рядовых граждан в их собственном понимании, как именно конструируются мнения по этим проблемам и могут ли они меняться в ходе дискурса.

Теория этики дискурса Юргена Хабермаса, в частности его концепция базовых притязаний (запросов, заявлений) на подтверждение значимости высказываний в разговоре (*basic validity claims*) и последующие коммуникативные акты их признания, выраженные через согласие и несогласие, – удобный аналитический и методический инструмент изучения делиберативности интернет-дискуссий [Habermas, 1987 a, 1987 b, 1989, 1998]¹. Такие притязания, используемые участниками в ходе морально-ориентированных дискурсов для поиска «правды» и тем самым для лучшего понимания друг друга (не обязательно согласия друг с другом), представляют собой этически наиболее оправданную форму политической организации общества, свободного от принуждения граждан [Habermas, 1992, p. 52; Habermas, 1998, p. 233]. Формулирование базовых притязаний на значимость является рефлексивно-диалогичным моментом, когда субъекты дискурса «тематизируют» и «проблематизируют» действительность путем выражения и аргументирования своих намерений в ожидании реакции других с актуализацией (подтверждением) их притязаний (рис. 2).

В результате формируются межсубъектные группы, солидаризированные на основе общности каких-то моральных и этических ценностей. Выявление таких солидарностей возможно с использованием базовых притязаний второго типа, а именно – межсубъектной нормативной правоты (*normative rightness*) отношений среди тех, кто придерживается определенных взглядов [Habermas, 1992 c, p. 137].

¹ Подробное описание и обоснование модели «коммуникативных миров» Хабермаса, сконструированных на основе притязаний на значимость [см.: Miskov, 2010, 2012; Мисников, 2012].

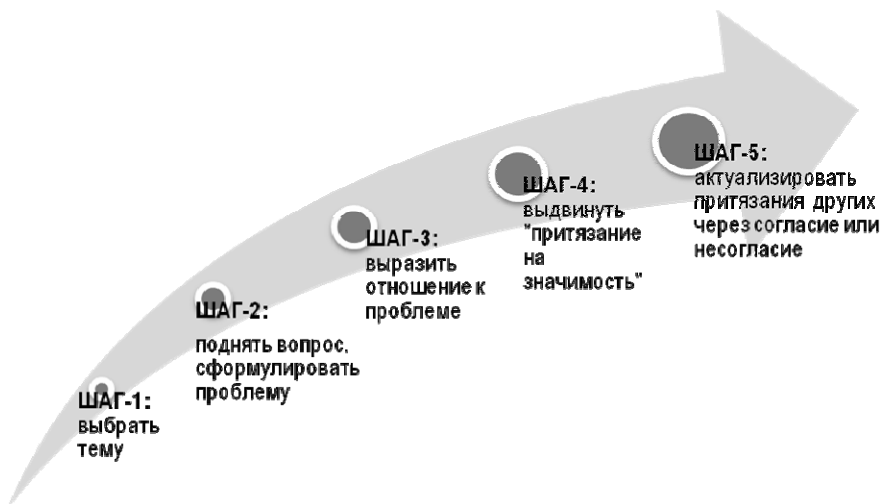

Рис. 2.

Логика тематической проблематизации притязаний на нормативную правоту (значимость)

Представленное в данной статье исследование имело двойную цель. С одной стороны, продемонстрировать на практике эффективность использования базовых запросов на подтверждение нормативной значимости правоты для выявления и анализа коллективно формирующихся между субъектами позиций по вопросам общественно-политической важности. С другой стороны, выявить эпистемологический потенциал притязаний на нормативную правоту; например, для определения общественного мнения, выраженного дискурсивным путем через процессы коммуникации, рассматриваемые как источник опыта, знаний, диалога [Sanders, 2009, p. 90, 149]¹. Для Хабермаса неразделимость понятий публич-

¹ Карен Сандерс, ссылаясь на Сюзан Хербст (Susan Herbst), выделяет четыре модели общественного мнения (*public opinion*), основанного на: (1) мажоритарном принципе, когда наиболее важными считаются мнения наибольшего количества людей; (2) отрицании самой возможности существования общественного мнения как такового; (3) дискурсивном (согласительном) определении общественного мнения, которое формируется через коммуникативные практики, трансформирующие общественность в сообщества; (4) агрегировании и измерении данных, полученных в ходе проведения социологических опросов.

ной сферы и выражаемого в ее среде общественного мнения с точки зрения социологии коммуникаций – важный фактор легитимности современной демократии, при условии, что артикулированное таким образом мнение свободно от манипулирования властью [Habermas, 1992a, p. 440]. Публичная сфера – это базовый социальный феномен, который тем не менее лишен такого традиционного для социологии понятия, как «социальный порядок», поскольку не является ни институтом, ни организацией [Habermas, 1996, p. 360]. По Хабермасу, лучше всего публичная сфера может быть определена как сетевая структура для коммуникации информации и точек зрения, т.е. мнений, выражающих подтверждение или отрицание чего-то [там же]. В результате коммуникационные потоки фильтруются и синтезируются таким образом, что формируют кластеры *публичного* мнения определенной сюжетно-тематической направленности. Публичная сфера как социальное пространство межсубъектных взаимоотношений каждодневно самовоспроизводится на бытовом уровне через коммуникативное действие людей, которые на принципах взаимности принимают ту или иную позицию в результате осмысления позиций, предложенных другими [Habermas, 1996, p. 361]. Хабермас считает, что таким образом участники дискурса обеспечивают друг другу коммуникативную свободу. Происходит своего рода сжатие информационного контента и агрегирование множества мнений путем абстрагирования от ненужного влияния таких факторов, как конкретные персоны участников, их личные интересы и социальные обязательства [там же]. Одновременно необходимость подобной генерализации вследствие роста субъектов коммуникаций и неизбежно возрастающей степени безличности (анонимности) общения требует ясно сформулированных позиций, понятных для большинства без излишнего использования, например, специализированной терминологии и особых коммуникационных кодов. В то время как формирование общественного мнения не может быть абстрагировано от личных политических пристрастий и точек зрения, отсутствие для рядовых граждан практически значимых политических обязательств (в отличие от политиков или экспертов, например) повышает интеллектуальный потенциал коммуникативного процесса [Habermas, 1996, p. 361], т.е. обладает определенной раскрепощающей и эпистемологической ценностью. В публичной сфере высказывания сортируются по их тематике и значимости, которая,

в свою очередь, оценивается с точки зрения положительной или негативной реакции. Предлагаемые коммуникаторами информация и аргументы складываются в тематические кластеры фокусного мнения, которое становится *общественным мнением* в результате непростого по содержанию и нелинейного по характеру процесса накопления мнений, высказанных в поддержку (количество позиций «за») [Habermas, 1996, p. 362]. Хабермас особо отмечает в связи с этим, что такое (дискурсивно-сформированное) общественное мнение не является статистически репрезентативным и не должно смешиваться с опросами, так как не представляет собой результат агрегирования индивидуальных мнений, артикулированных в частном порядке субъектами, изолированными от взаимного общения. Исследования политических пристрастий путем опросов могут быть некоторым отражением общественного мнения только в том случае, если они предварялись целенаправленными политическими дискуссиями с соответствующим формированием мнений.

Для тестирования данного методологического подхода была использована интернет-дискуссия, предметом которой стала статья Клиффорда Леви из газеты «*The New York Times*», озаглавленная в русском переводе «Жесткие меры в одном регионе демонстрируют, насколько меньше демократии стало в России Путина» [Леви, 2008]. Статья была размещена 22 февраля 2008 г. в русскоязычном сегменте LifeJournal с целью сбора мнений пользователей Рунета и вызвала большой интерес читателей, многочисленные отклики которых – несколько тысяч – размещались на нескольких ветках дискуссии.

Для целей исследования были отобраны 189 записей (постов), сделанных участниками дискуссии на самой первой ветке, собравшей в итоге 3398 комментариев. Ветка содержит посты, размещенные в течение всей дискуссии, а не только хронологические первые. Это дает полную картину того, как начинались, разворачивались и заканчивались микродебаты по конкретным вопросам. Исследования автора показывают, что оценка осмысленности дискуссии может быть сделана на сравнительно небольшой выборке – 70–100 записей, и отобранного количества постов было достаточно для проведения анализа.

Кодировка контента осуществлялась по ранее разработанной автором методике [Misnikov, 2010, 2012; Мисников, 2012]. Кодировались следующие параметры: 1) уникальный (трехзначный) идентификатор поста; 2) откровенно нецивилизованные и грубые

записи; 3) притязания на значимость (второго типа), выраженные через (а) согласие и (б) несогласие с другими притязаниями; 4) тематика (сюжеты) притязаний. Для более детальной кодировки притязаний выборка была уменьшена до 100 первых записей. Это было сделано для снижения трудоемкости исследования, с одной стороны, и в целях проверки возможности тематического сканирования политических взглядов в сравнительно небольшой по масштабу дискуссии – с другой.

Претензии нумеровались в порядке размещения записей; причем кодировались как подтвержденные, так и неподтвержденные притязания. Например, «VC-55//3–3–1 = Статья неправдивая»; «VC-56//3–3–1 = Америке лучше заниматься своей демократией» означает, что данная запись содержит два притязания – VC-55 и VC-56; оба притязания принадлежат одному и тому же посту с идентификационным номером «3–3–1», который означает, что это была первая запись (последняя цифра «1») автора под номером «3» (номер поста по счету данного автора); первая цифра «3» говорит о том, что это был третий по счету пост во всей дискуссии (без привязки к автору). Текст, следующий после знака «равно», кратко формулирует базовый смысл притязания. Тематически притязание VC-55 относится к проблеме доверия к СМИ, а притязание VC-56 подпадает под категорию взаимоотношений с США и их политикой. Такая тематическая категоризация была важным элементом исследования, поскольку давала возможность агрегировать мнения участников, выраженные в форме «за» или «против». Следует отметить, что объективно могут существовать различные варианты формулировки притязаний и их интерпретации. Но исходя из самой сущности притязаний как коммуникативного акта, необходима их категоризация по принципу принятия или неприятия заложенного в них смысла, явного и подразумеваемого. Такой подход помогает точнее формулировать претензии в соответствии с их базовым семантическим смыслом и основным намерением автора записи, а не только по лингвистическим параметрам.

Тематической категоризации подвергались только те притязания, которые были актуализированы путем выражения согласия или несогласия с ними со стороны других участников дискуссии. Притязания, которые не были актуализированы таким образом, не тематизировались. Притязания конструировались следующим образом: если автор «А» в своем притязании номер один «VC-1» вы-

ражал несогласие, например с позицией газеты по поводу состояния демократии в России, а следующий участник «Б» в своем притязании номер десять «VC-10» поддерживал точку зрения газеты, то автор «А» был автоматически против газеты; аналогично согласие с позицией «против» давало итоговый результат «за», несогласие с «против» также считалось позицией «за». Персонально-ориентированные записи исключались из анализа как не относящиеся к предмету дискуссии по существу. Рисунок 3 схематически иллюстрирует интерактивно-диалогичный характер конструирования притязаний на значимость.

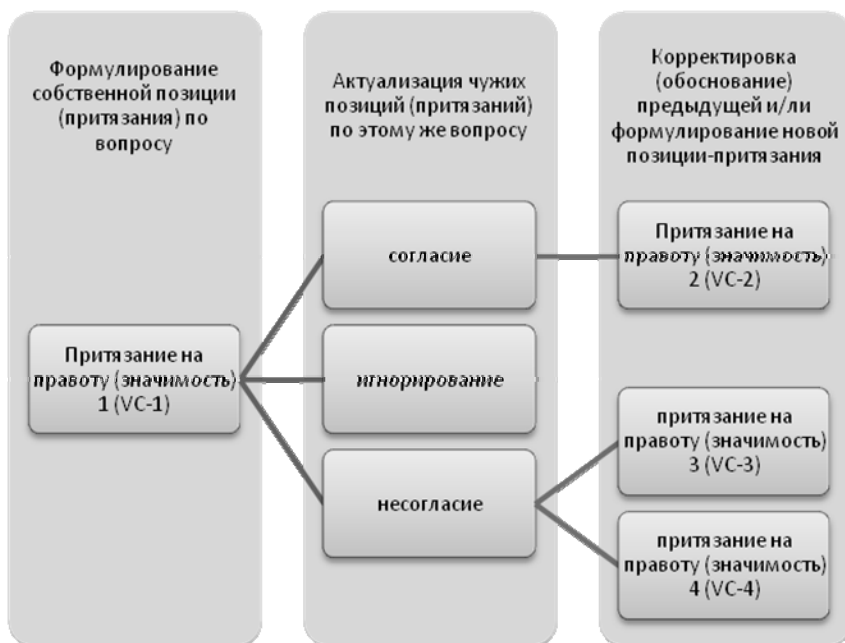

Рис. 3.
Интерактивность притязаний на правоту и ее значимость

Анализ и дискуссия

В табл. 1 представлены результаты кодирования контента записей, описывающие дискурсивные параметры дискуссии.

Таблица 1

Количественные и качественные параметры интернет-дискуссии на LiveJournal (выборка 189 записей)

Дискурсивные параметры	Количество	%
1. Уникальные участники	59	100
2. Записи, сделанные всеми участниками (включая записи персонального характера и удаленные)	189	100
3. Откровенно нецивилизованные и грубые записи	18	10 (от всех записей)
4. Записи, содержащие претензии на нормативную правоту (значимость) (одну или более)	130	69 (от всех записей)
5. Претензии на нормативную правоту (значимость), сформулированные всеми участниками независимо от их фактической актуализации (исключая посты персонального характера)	179	100
6. Актуализация претензий на нормативную правоту (значимость), сделанных всеми участниками, включая повторяющиеся в разных записях (исключая посты персонального характера)	147	100
в том числе через:		
согласие	32	22
несогласие	115	78
7. Фактически актуализированные уникальные претензии на нормативную правоту (значимость), исключая повторяющиеся в разных записях (исключая посты персонального характера)	112	
в том числе через:		
согласие	26	23
несогласие	86	77

Результаты кодирования показывают, что 189 постов были размещены 59 уникальными участниками; из них содержательно анализировались 179 (остальные были исключены по причине бессодержательности, беспредметности или явного персонального характера; несколько постов были удалены самими авторами позднее). Иными словами, в среднем на каждого автора приходилось по три записи, что соответствует общей практике дискуссий, в том числе более многочисленных [Мисников, 2012, Misnikov, 2012].

Эти данные подтверждают вывод, что увеличение масштаба дискуссии не обязательно ведет к существенному изменению ее качественных характеристик. С точки зрения общей тональности дискуссия была достаточно цивилизована – только одна из десяти записей была явно грубой и оскорбительной. Этот показатель также укладывается в пределы, выявленные при анализе других дискуссий со значительно большей выборкой, в которых доля нецивилизованных постов составила от 6 до 17% [Misnikov, 2012, p. 27].

Записи, содержащие претензии на значимость (одну или более), составили почти 70%, что свидетельствует о достаточно содержательной основе дискуссии, – в других дискуссиях этот показатель был на уровне 46–78%. Общее число выдвинутых притязаний составило 179 (в одной записи могло быть более одного притязания, некоторые повторялись в разных постах). Из них 147, т.е. четыре из пяти, были актуализированы, что говорит о диалогичности дискуссии. Количество уникальных актуализаций составило 112 – почти по два притязания на участника. Их две трети были сформулированы для выражения несогласия (86 записей), что подтверждает гипотезу о приверженности участников онлайн-новых дискуссий к общению с людьми, имеющими противоположные взгляды.

В таблице 2 представлен пример кодирования притязаний на значимость нескольких случайно выбранных последовательных постов. Из этого примера видно, что только одна из восьми записей (идентификационный номер 104–38–1) не содержала осмысленного текста, а лишь выражала ироническую эмоцию¹ в отношении предыдущей записи. Условие присвоения записи притязания на значимость заключается в наличии базового смысла, намерения проблематизировать что-то (сюжет, мысль, утверждение), даже если текст напрямую, т.е. лингвистически, такого смысла не выражает. В случае записи 104–38–1 базовый смысл можно осторожно интерпретировать как ироническое или пренебрежительное несогласие; однако недостаток разъясняющей текстовой информации является препятствием в классификации ее содержательной значимости как согласия или несогласия. Этот пост не содержит нового притязания, которое бы потребовало подтверждения актуали-

¹ Например: «Гы-гы».

зацией; неудивительно поэтому, что на него не последовало ни одного ответа.

Как в любой дискуссии, одни участники были более, другие – менее активны. С точки зрения выдвинутых притязаний наиболее активными оказались участники 18 и 43 – на них приходится 8 из 13 притязаний (более половины), их которых пять сформулировано автором номер 18 (38%). Мнение последнего и стало основным «двигателем» дискуссии – из восьми актуализаций на притязания этого автора приходятся четыре. Это – актуализации притязаний VC-24 («Революции не нужны»), VC-25 («Власть не очень плохая для людей»), VC-36 («Черного вторника не будет») и VC-42 («Трагедии Беслана и Курска – мелочь в сравнении с окончанием войны в Чечне»), сделанные авторами 43, 40 и 34 в своих притязаниях VC-32 («Демократическая эволюция власти в России маловероятна»), VC-30 («Власть не является хорошей для людей»), VC-31 («Власть интересуют собственные интересы в первую очередь, а страны – во вторую; иначе говоря, власть коррупционна»), VC-39 («Черный вторник будет») и VC-43 («Ошибки Беслана и Курска не мелочь») соответственно. Только одно притязание было подтверждено через согласие (VC-24 = «Революции не нужны»), остальные – через несогласие. Например, участник 43 не согласен с автором 18 в том, что власть в России хорошая для народа (поскольку она заботится в первую очередь о своем личном благосостоянии и интересах), но согласен с тем, что революции России не нужны, одновременно сомневаясь в том, что власть способна к демократической эволюции сама по себе изнутри.

Согласие и несогласие с позиции «за» и «против» обычно диалектически взаимосвязаны и даже взаимообусловлены. Когда, к примеру, участник за номером 18 заявляет через притязание VC-38, что больше «черного вторника» в России не будет, выражая таким образом поддержку экономической политики правительства (позиция «за» в отношении политики власти), участник 40 не соглашается с этим, утверждая (притязание VC-39), что «черный вторник» еще будет и что Путин ведет страну к катастрофе (VC-40) (позиция «против» политики властей). В ответ автор 18 отстаивает свою позицию в поддержку властей, аргументируя ее тем, что Путин не делал до сих пор крупных ошибок и поэтому заслуживает поддержки (VC-41), замечая при этом, что трагедии Беслана и подлодки «Курск» не так важны в сравнении с завершением войны

в Чечне (VC-42). С тем, что это несущественные трагедии, категорически не согласен участник номер 42 в своем притязании VC-42 (тем самым принимая сторону «против» политики властей). Схематически этот микродиалог отражен в рис. 4.

Таблица 2

Пример кодирования притязаний на правоту и ее значимость

Время записи (поста)	Порядковый номер-идентификатор записи (поста)	Порядковый номер-идентификатор автора записи (поста)	Порядковый номер-идентификатор записи (поста) каждого автора	Ответ на предыдущую запись (1 = да)	Номер-идентификатор записи (3+4+5), на которую дан ответ (если не предыдущая)	Номер-идентификатор автора записи, на которую дан ответ
1	2	3	4	5	6	7
24.02.08, 20:03	139	43	4	1		18
24.02.08, 21:52	113	39	4		72-31-1	31
24.02.08, 11:42	85	34	2		46-18-1	18
24.02.08, 18:53	99	18	6	1		34
24.02.08, 19:45	104	38	1	1		18
24.02.08, 21:26	111	40	2		99-18-6	18
24.02.08, 22:09	115	18	7	1		40
24.02.08, 10:14	128	34	5	1		18

Продолжение табл. 2

Время записи (поста)	Базовый смысл записи, выраженный через притязания на правоту (VC)	Притязания на правоту, актуализированные через согласие	Притязания на правоту, актуализированные через несогласие
1	9	10	11
24.02.08, 20:03	- VC-30//139-43-4 = Власть не является хорошей для людей. - VC-31//139-43-4 = Власть интересуют собственные интересы в первую очередь, а страны – во вторую - VC-32//139-43-4 = Демократическая эволюция власти в России маловероятна	- VC-24//135-18-11= Революции не нужны	- VC-25//135-18-11 = Власть не очень плохая для людей
24.02.08, 21:52	- VC-34//113-39-4 = Правозащитники – очень плохие люди		- VC-8//72-31-1 = Правозащитники – не экстремисты
24.02.08, 11:42	- VC-35//85-34-2 = Нельзя быть зашоренным и видеть в иностранной газете только агента влияния		- VC-2//46-18-1 = Статья пропагандистская с целью повлиять на мнение в России
24.02.08, 18:53	- VC-36//99-18-6 = Поддержка Ельцина в 90-х была близорукостью. - VC-37//99-18-6 = Возможность работы со стабильным доходом важнее пустой демократии - VC-38//99-18-6 = Черного вторника не будет		- VC-35//85-34-2 = Нельзя быть зашоренным и видеть в иностранной газете только агента влияния
24.02.08, 19:45	претензии на значимость на сделано		
24.02.08, 21:26	- VC-39//111-40-2 = Черный вторник будет - VC-40//111-40-2 = Путин ведет страну к катастрофе		- VC-38//99-18-6 = Черного вторника не будет
24.02.08, 22:09	- VC-41//115-18-7 = Путин не делал крупных ошибок и заслуживает поддержки - VC-42//115-18-7 = Трагедии Беслана и Курска – мелочь в сравнении с окончанием войны в Чечне		- VC-39//111-40-2 = Путин ведет страну к катастрофе
24.02.08, 10:14	- VC-43//128-34-5 = Ошибки Беслана и Курска не мелочь		- VC-42//115-18-7 = Трагедии Беслана и Курска – мелочь в сравнении с окончанием войны в Чечне

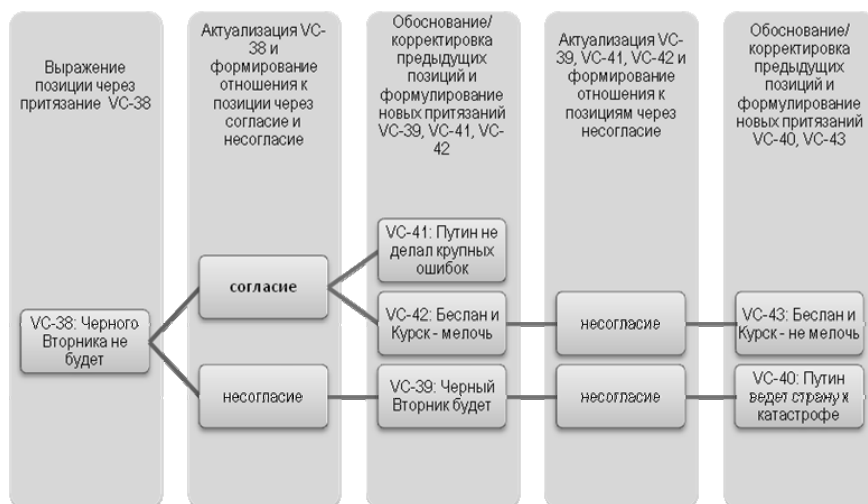

Рис. 4.

Пример формирования и актуализации претензий на правоту и ее значимость

Пример дискуссии между участниками 43 и 18 по поводу коррупционности власти показывает, что возможно смягчение позиции вследствие диалога и обмена аргументами. Этот диалог начался в более ранних постах, когда автор 43 в своих записях (номера 120–43–1, 122–43–2, 124–43–3) обвинял власти в преследовании своих собственных интересов, а не интересов людей, что, в частности, аргументировалось наличием счетов в зарубежных банках и устройстве родственников на доходные места в госкомпаниях. Его оппонент по дискуссии (автор 18) не соглашался (121–18–9, 123–18–10) с тем, что это имеет место и что для развития страны не так важно, кто какие должности занимает. Но затем (в записи 135–18–11) позиция была смягчена и фактически наличие коррупции было признано, хотя и с оговорками: «...я несколько не пытаюсь обелить детей чинуш и взяточников, все, что я хочу сказать, – нам не нужна очередная революция ради того, чтобы убрать сына Иванова от кормушки и т.п... нынешняя власть не так уж ужасна, как могла бы быть... и если платой за нынешнюю стабильность является вот это распределение должностей и наличие счетов – то

я на это согласен (судя по % на выборах – многие готовы закрыть глаза на подобное)... это не так страшно. Уверен, что все это можно изменить эволюционным путем через СМИ и выборы... взяточничество. С таким положением можно мириться, если доходы людей тоже растут, обеспечивается стабильность, и поддержка Путина избирателями говорит, что такая политика поддерживается»¹.

В ответ, в манере взаимности, участник 43, по-прежнему критикуя власти, тем не менее также смягчает свою позицию, заявляя, что власть, может, и не так плоха (но и не хороша) и что действительно революции не нужны, хотя власть сама по себе не изменится (пост 139–43–4): «Нынешняя власть не так уж и ужасна, но она не хороша и действует в первую очередь в интересах чинуш, а уже потом, насколько необходимо – в интересах народа. И я очень сомневаюсь, что это изменится само по себе. Впрочем, да, революционные изменения – еще хуже».

Эти примеры иллюстрируют трансформацию позиций их авторов. В результате короткого обмена мнениями дискуссанты не изменили свои взгляды, но произошло лучшее понимание друг друга с элементами компромисса по отдельным вопросам. Но таких случаев в этой дискуссии было не так много. Обычно участники оставались на заявленных позициях, даже если происходило их определенное смягчение.

Как отмечалось выше, дискуссия была достаточно цивилизованной, хотя и эмоционально окрашенной, что соответствует ее «разговорной» природе и воспринималось участниками адекватно. Это видно на примере острой дискуссии между участниками 14 и 30. Так, первый, цитируя последнего, предлагает своему оппоненту в грубоватой, но не оскорбительной манере (обращаясь на «Вы» с прописной буквы) следующее: «Давайте так – или Вы перестаете выпендриваться и объясняете, в чем ошибка (или хотя бы правильный вариант написания), или я Вам засчитываю слив и объясняю куда пойти» или «Значит, Вы не безнадежны» (пост номер 101–24–9). Использование сленга виртуальных дискуссий усиливает эмоциональный характер этого в значительной степени персонализированного сообщения. Но при этом автор уверен, что его сообщение будет воспринято адекватно, т.е. не как грубое. Участ-

¹ Сохранена авторская орфография. – Ю.М.

ник 30 не обращает внимания на нарочитую грубость и, поддерживая персональную направленность дискуссии, акцентирует при этом свое внимание на одной не очень значительной детали поста, имеющей лишь косвенное отношение к предмету диспута: «Но “почему же” все-таки пишется без дефиса. Вы явно любите дешевые ходы! Bravo» (пост 103–30–9). Этот пример указывает на одну важную деталь – уход от темы сопровождается повышением эмоционального тона и персонализацией дискуссии, что нежелательно для ее делиберативности.

В некоторых случаях участники проявляли ксенофобию и явную грубость, но это было скорее исключением, чем нормой всей дискуссии. Грубость не провоцировала ответную грубость, нецивилизованность общения осуждалась. Об этом свидетельствует спокойный и нарочито вежливый ответ одного из участников на грубый пост: «Любезный, возвращайтесь, когда научитесь разговаривать на цивилизованном уровне, а не будто только вернулись из заключения!». Цель – вернуть дискуссию в нормальное и цивилизованное русло.

Отдельную категорию пользователей составляют так называемые «*lurkers*» – те, кто следят за постами другими, но свои комментарии дают только по тем вопросам, которые их действительно волнуют. Если они не оставляют свои записи, это не значит, что дискуссия им не интересна или не оказывает влияния на имеющиеся мнения. Показателен пример записи номер 51–22–1. Следя за обменом мнениями о демократии Дании – в контексте сравнения преимуществ и недостатков западной демократии – в основном между двумя авторами (номер 5 и 13) и не вмешиваясь в этот диалог до определенного времени, участник 22 решил дать свой комментарий в тот момент, когда понял, что имеющаяся у него информация является новой и может быть интересна для других. Это касалось разъяснения, почему в Дании специалисты из постсоветских стран остаются на постоянное жительство: «А я вот год жил. Работал в датском отделении Майкрософт (интерном). Было здорово и познавательно, понимаю всех тех наших (выходцев из СНГ немало), кто остался там на ПМЖ. К такому уровню уважения к личности нужно стремиться. А что налоги большие, так и зарплаты не маленькие». В данном примере автор стал полноценным дискуссионным участником, несмотря на то что написал только один пост.

Результаты обработки материала кодировки позволили подтвердить предположение о возможной эпистемологической ценности использования притязаний на правоту в анализе интернет-дискуссий; в частности, о том, что таким способом возможно выявить дискурсивно сформированное мнение между субъектами дискуссии, так называемые межсубъектные солидарности участников (в терминологии Хабермаса), разделяющие «правильные», т.е. морально обусловленные точки зрения.

Таблица 3

**Распределение позиций «за» и «против» по темам дискуссии
(среди выборки в 100 постов)**

Позиции		Кол-во актуализированных через согласие и несогласие притязаний на правоту	Кол-во уникальных субъектов таких притязаний (авторов записей)
1. Отношение к политике Путина	за	14	11
	против	3	3
2. Отношение к политике правительства	за	10	4
	против	8	5
3. Отношение к российским демократам-правозащитникам	за	3	3
	против	4	3
4. Отношение к политике газеты NYT	за	3	3
	против	2	2
5. Отношение к политике и демократии Америки	за	13	5
	против	17	10
6. Отношение к военной политике России	за	11	4
	против	9	4
Всего ЗА		54	43
Всего ПРОТИВ		30	27

В таблице 4 в обобщенном виде представлен тематический профиль дискуссии в том виде, в котором сами участники проблематизировали интересующие их вопросы путем формулирования и актуализации через согласие и несогласие притязаний на значимость их правоты. Такие данные агрегировались в соответствии с выбранными темами и поднятыми участниками проблемами (см. шаги 1 и 2 на рис. 1). В итоге удалось выявить не только круг проблем, которые волновали участников дискуссии, но выяснить их

отношение к этим проблемам. Последних оказалось шесть: (1) политика Путина, (2) политика правительства, (3) роль российских демократов в целом и правозащитников в особенности, (4) газета «New York Times», опубликовавшая статью, (5) политика и демократия Америки и (6) военная политика России. Как видно из графиков на рис. 5 и 6, политика Путина получила наибольшую поддержку – 26% позиций «за», военная политика и (экономическая) политика правительства тоже пользовались достаточно широкой поддержкой – почти пятая часть всех «голосов».

Наименьшую поддержку получили оппозиционно настроенные демократы и правозащитники – только 6% в совокупности. Такая же небольшая поддержка была выражена и самой газете, что ожидаемо, так как статья была критической по отношению к Путину и демократизации России. На этом фоне парадоксальным выглядят 24% поддержки, отданной Америке и ее демократии.

Рис. 5.
Распределение позиций «за» по темам дискуссии

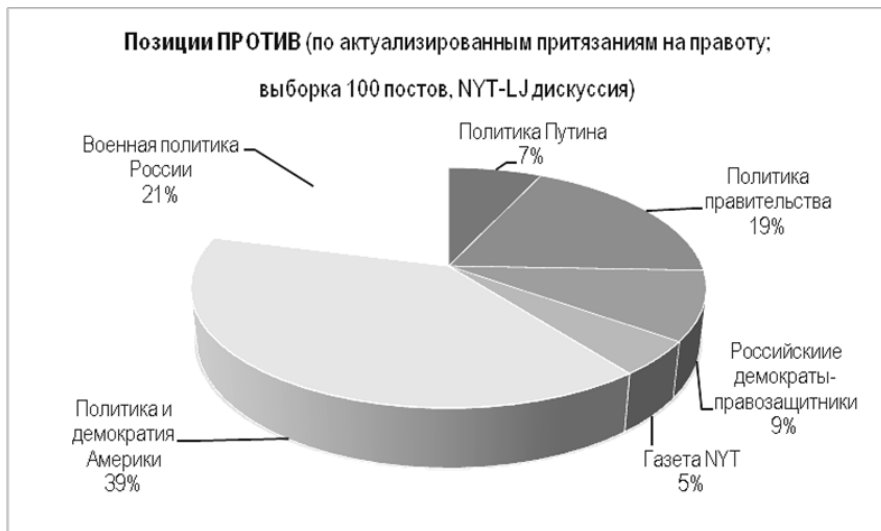

Рис. 6.

Распределение позиций «против» по темам дискуссии

График по позициям «против» дает схожие результаты, прежде всего в отношении политики Путина – в его адрес прозвучало меньше всего критики, в то время как немало ее было высказано в адрес правительства и военной политики (примерно по 20%). Наибольшей же критике была подвергнута Америка – почти 40%. Участники отдавали должное хорошему в западной и американской демократии, но отрицание преобладало.

Графики, построенные по признаку межсубъектных солидарностей, т.е. по количеству участников (рис. 7 и 8), выразивших своими позициями «за» и «против» поддержку или критику, дублируют основные тренды, выявленные по совокупному количеству распределения самих позиций. Наиболее многочисленной была группа, поддержавшая Путина (37% от всех участников), наименьшая – в поддержку российских демократов (10%). Аналогично группа, настроенная против Америки, была наиболее многочисленной (37%), а не поддерживало Путина только 11%.

Рис. 7.
Распределение участников с позицией «за»

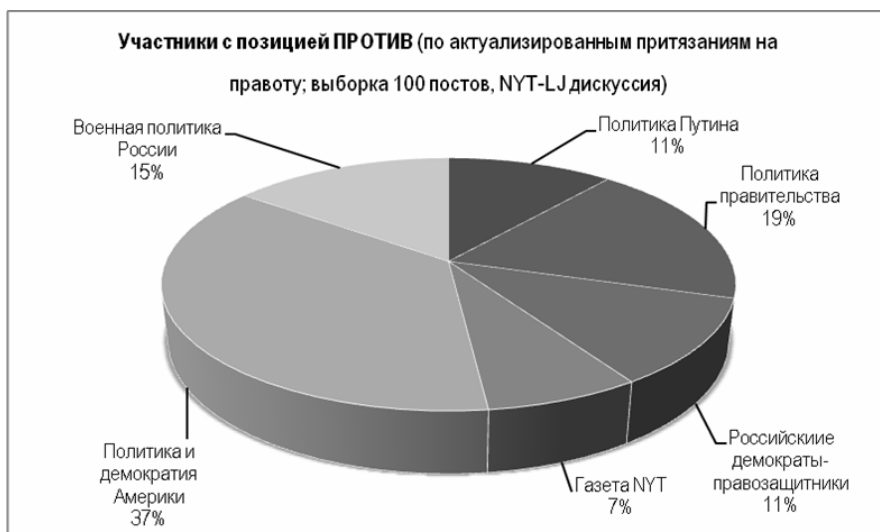

Рис. 8.
Распределение участников с позицией «против»

Выводы

Данное исследование не является полностью завершенным, поэтому выводы можно считать предварительными. Но цель эмпирического тестирования выдвинутых гипотез была достигнута, хотя и на примере ограниченной выборки. Можно с достаточной уверенностью утверждать, что базовые притязания на правоту подтвердили свою эффективность не только как аналитическое средство для оценки качества делиберативности онлайн-дискуссий, но помогли охарактеризовать последние с точки зрения источника общественного мнения.

Предположение, что инструментарий притязаний в привязке к согласительным практикам для выявления (и измерения) круга политических предпочтений участников дискуссии, также нашло свое подтверждение на примере небольшой выборки. Это было одним из ограничений исследования. Тем не менее можно сделать вывод, что важность претензий на значимость как инструмента дискурс-анализа состоит в возможности структурирования записей постов таким образом, чтобы не только осуществить смысловой анализ путем выявления базового смысла и намерения текста записи, но и выявить интерактивную глубину межсубъектных солидарностей, т.е. состава и размера групп, считающих какие-то важные для них позиции морально верными. Преимущества такой «дискурсивной социологии» состоят в возможности тематической дезагрегации предпочтений до требуемого уровня. Недостатком является нерепрезентативность выборки, которую в случае интернет-дискуссий очень сложно, если вообще возможно, обеспечить (репрезентативность не была целью исследования).

Постулат о том, что участники виртуальных дискуссий более охотно общаются с носителями противоположных взглядов, также нашел свое подтверждение, как и то, что несогласие выступает фактором разворачивания самого дискурса как такового. Одновременно следует отметить, что несогласия могут увести дискуссию в сторону, сделать ее чрезмерно персонализированной и нередко грубой. Это хотя и снижает делиберативную ценность самоорганизующихся интернет-дискуссий по вопросам общественно-политической жизни среди рядовых граждан, но не является серьезным барьером.

Еще один важный вывод заключается в том, что с точки зрения дискурсивности сами по себе позиции участников дискуссии не так важны, как их последующая актуализация. Иначе говоря, важно не столько то, что хотел сказать автор, размещая пост на ветке форума, но в каком смысле содержание его поста было интерпретировано другими. Смысл записей постоянно уточняется последующими через непрерывный и интерактивный процесс «поверки» одного поста другими. В результате формируется более широкая эпистемологически содержательная основа публичной сферы, ландшафт публичного знания; то, что Хабермас называет «фоновой информацией и знанием» (*«background information and knowledge»*). Плюрализм этого фона и доступа к его содержимому со всем разнообразием точек зрения среди разных групп людей важен для формирования демократических основ всего общества.

С точки зрения Хабермаса, традиционные СМИ слишком подвержены влиянию власти и отражают «квазиобщественное мнение»; они не способны по-настоящему обеспечить полноценное включение неформальных, изначально «непубличных» мнений, сформированных в конкретном культурном контексте [Habermas, 1992 а, р. 440]. Поэтому дискуссии о политике необходимы не только с точки зрения императива плюрализма, но и для смягчения чрезмерной поляризации общества через глубокую и постоянно действующую систему многопланового и многоуровневого общественного диалога. В век Интернета современное постиндустриальное общество, к которому относится и Россия, все более трансформируется из статичной вертикально-иерархической структуры в динамичное горизонтально-сетевое сообщество. Какое влияние такая трансформация окажет на будущее демократии, еще не совсем ясно. Спор между кибер-оптимистами и киберпессимистами в этом отношении будет продолжаться. В то же время уже сейчас понятно, что интерактивно-сетевая организация общества расширяет коммуникативные возможности его членов, усиливает процессы социализации, содействует накоплению знаний. Потенциально это может содействовать росту взаимного доверия через диалог, если только термин «мнение общества» сможет избавиться от привычного ярлыка «тирании большинства» и, таким образом, стать настоящим ограничителем власти в более демократичном обществе, основанном на дискурсе.

Литература

- Леви К.* Жесткие меры в одном регионе демонстрируют, насколько меньше демократии стало в России Путина. – 2008. – 22 февраля. – Режим доступа: <http://nytimesinmoscow.livejournal.com/2245.html> (Дата посещения: 06.11.2012.)
- Мисников Ю.Г.* Интернет-дискуссии в демократической теории и практике // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отв. ред. Верченков Л.Н., Ефременко Д.В., Тищенко В.И. – М., 2012. – С. 27–36.
- Bohman J.* Public deliberation: pluralism, complexity and democracy. – Cambridge, MA: MIT Press, 1996. – 320 p.
- Coleman S., Anthony S., Morrison D.E.* Public trust in the news: A constructivist study of the social life of the news. – Oxford: Reuters institute for the study of journalism of the university of Oxford, 2009. – 47 p.
- Coleman S., Blumler J.* The Internet and democratic citizenship: Theory, practice and policy. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2009. – 220 p.
- Collaborative discourse structures in computer mediated group communications / *Turoff M., Hiltz R.S., Bieber M., Fjermestad J., Rana A.* // Journal of computer mediated communication. – Oxford: Wiley-Blackwell, 1999. – Vol 4(4). – Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-6101.1999.tb00104.x/full> (Дата посещения: 01.11.2012.)
- Dodge M., Kitchin R.* Mapping cyberspace. – London: Routledge, 2001. – 260 p.
- Dodge M., Kitchin R.* Mapping Internet infrastructure // Moving people, goods and information: The cutting-edge infrastructure of networked cities / Hanley R. (ed.). – N.Y.: Routledge, 2004. – P. 146–167.
- Doing Internet research: critical issues and methods for examining the Net / Jones S. (ed.). – Thousand Oaks, CA: Sage, 1999. – 328 p.
- Donath J., Karahalios K., Viegas F.* Visualizing conversation // Journal of computer-mediated communication. – Oxford: Wiley-Blackwell, 1999. – Vol. 4(4). – Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-6101.1999.tb00107.x/full> (Дата посещения: 01.11.2012.)
- Fossato F., Lloyd J., Verkhovsky A.* The Web that failed: How opposition politics and independent initiatives are failing on the Internet in Russia. – Oxford: Univ. of Oxford, Reuters institute for the study of journalism, 2008. – 61 p.
- Freelon D.* Analyzing online political discussion using three models of democratic communication // New media & society. – L., 2010. – Vol. 12(7). – P. 1172–1190.
- Graham T.* Needles in a haystack: A new approach in identifying and assessing political talk in non-political discussion forums // Javnost – The Public. – Ljubljana, 2008. – Vol. 15(2). – P. 17–36.
- Gruber H.* Specific genre features of new mass media // Handbook of communication in the public sphere / Wodak R., Koller V. (eds.). – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2008. – P. 363–382.
- Guimaraes M.J.* Doing anthropology in cyberspace: Fieldwork boundaries and social environments // Virtual methods: Issues in social research on the Internet / Hine C. (ed.). – Oxford, N.Y.: Berg, 2005. – P. 141–156.

- Habermas J.* Between facts and norms: Contributions to a discourse theory of law and democracy. – Cambridge: Polity Press, 1996. – 631 p.
- Habermas J.* Further reflections on the public sphere // *Habermas and the public sphere / Calhoun C. (ed.)*. – Cambridge: The MIT Press, 1992 a. – P. 421–461.
- Habermas J.* Moral consciousness and communicative action. – Cambridge: Polity Press, 1992 c. – 225 p.
- Habermas J.* On the pragmatics of communication. – Cambridge, MA: MIT Press, 1998. – 462 p.
- Habermas J.* Political communication in media society: does democracy still enjoy an epistemic dimension? The impact of normative theory on empirical research // *Communication theory*. – Hoboken, NJ, 2006. – Vol. 16(4). – P. 411–426.
- Habermas J.* The philosophical discourse of modernity. – Cambridge: Polity Press, 1987 a. – 430 p.
- Habermas J.* The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. – Cambridge: Polity Press, 1989. – 301 p.
- Habermas J.* The theory of communicative action. Lifeworld and system: a critique of functionalist reason. – Cambridge: Polity Press, 1987 b. – Vol. 2. – 457 p.
- Habermas J.* The theory of communicative action. Reason and the rationalization of society (volume 1). – Boston: Beacon, 1984. – 465 p.
- Habermas J.* Truth and justification. – Cambridge, MA: MIT Press, 2003. – 349 p.
- Habermas J.* Concluding remarks // *Habermas and the public sphere / Calhoun C. (ed.)*. – Cambridge: The MIT Press, 1992 b. – P. 462–479.
- Heiskala R.* Sociology as a discursive space: The coming age of a new orthodoxy? // *Acta Sociologica, Eastern European Social Changes*. – Oslo, 1990. – Vol. 33 (4). – P. 305–320.
- Herbst S.* Public opinion infrastructures: Meanings, measures, media // *Political Communication*. – L., 2001. – Vol. 18. – P. 451–464.
- Herbst S.* The meaning of public opinion // *Media, Culture and Society*. – L., 1993. – Vol. 15. – P. 437–454.
- Hine C.* Virtual methods and the sociology of cyber-scientific knowledge // *Virtual methods: issues in social research on the Internet / Hine C. (ed.)*. – Oxford, N.Y.: Berg, 2005. – P. 1–16.
- Ikeda K., Huckfeldt R.* Political communication and disagreement among citizens in Japan and the United States // *Political behavior*. – Lexington, Kentucky, 2001. – Vol. 21(1). – P. 23–51.
- Internet research methods: a practical guide for the social and behavioral sciences / Hewson C., Yule P., Laurent D., Vogel C. – L., Thousand Oaks, New Delhi: Sage, 2003. – 156 p.*
- Joinson A.* Understanding the psychology of Internet behaviour: Virtual worlds, real lives. – Houndmills, Hampshire, N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. – 224 p.
- Kelly J., Fisher D., Smith M.* Debate, division, and diversity: Political discourse networks in USENET newsgroups: Paper prepared for Online Deliberation Conference 2005, Stanford University, May 24, 2005. – Mode of access: http://www.columbia.edu/pdf/kelly_fisher_smith_ddd.pdf (Дата посещения: 6.10.2008.). – 34 p.

- Misnikov Y.* Discursive qualities of public discussion on the Russian Internet: testing the Habermasian communicative action empirically // From e-participation to online deliberation, proceedings of the fourth international conference on online deliberation, OD2010, Leeds, UK, 30 June – 2 July, 2010 / De Cindio F., Macintosh A., Peraboni C. (eds.). – Univ. of Leeds and univ. Degli Studi Di Milano. – Mode of access: http://www.od2010.dico.unimi.it/docs/proceedings/Proceedings_OD2010.pdf (Дата посещения: 24.02.2011). – P. 60–74.
- Misnikov Y.* How to read and treat online public discussions among ordinary citizens beyond political mobilisation: Empirical evidence from the Russian-language online forums // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. – Leeds, 2012. – Vol. 7. – Mode of access: http://www.digitalicons.org/issue07/files/2012/06/7.1_Misnikov.pdf (Дата посещения: 1.08.2012). – P. 1–37.
- Mutz D.* Hearing the other side: deliberative versus participatory democracy? – Cambridge: Cambridge univ. press, 2006. – 184 p.
- Network and netplay: virtual groups on the Internet / Sudweeks F., McLaughlin M.L., Rafaeli S. (eds.). – Menlo Park CA, Cambridge MA, L.: AAA Press/ MIT Press, 1998. – 313 p.
- Papacharissi Z.* The virtual sphere: The internet as a public sphere // New Media & Society. – L., 2002. – Vol. 4(1). – P. 9–27.
- Public discourse in the Russian blogosphere: Mapping RuNet politics and mobilization / Etling B., Alexanyan K., Kelly J., Faris R., Palfrey J., Gasser U. – Cambridge: The Berkman Center for Internet & Society at Harvard univ., 2010. – Mode of access: http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Public_Discourse_in_the_Russian_Blogosphere_2010.pdf (Дата посещения: 19.03.2012.) – 46 p.
- Putnam R.* Bowling alone: the collapse and revival of American community. – N.Y.: Simon and Schuster, 2000. – 541 p.
- Rafaeli S., Sudweeks F.* Networked interactivity // Journal of computer-mediated communication. – Vol. 2(4). – Bloomington: Indiana univ., 1997. – Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-6101.1997.tb00201.x/full> (Дата посещения: 17.10.2009.)
- Riffe D., Lacy S., Fico F.G.* Analyzing media messages: using quantitative content analysis in research. – Mahwah, N.J.; L.: Lawrence Erlbaum Associates, 2005. – 2 nd ed. – 251 p.
- Sanders K.* Communicating politics in the twenty-first century. – L.: Palgrave Macmillan, 2009. – 272 p.
- Schneider S., Foot K.* Online structure for political action: Exploring presidential websites from the 2000 American election // Javnost – The Public. – Ljubljana, 2002. – Vol. 9(2). – P. 3–60.
- Schneider S., Foot K.* The Web as an object of study // Society online: The Internet in context / Howard P., Jones S. (eds.). – L.: Sage, 2004. – P. 137–154.
- Schneider S., Foot K.* Web sphere analysis: An approach to studying online action // Virtual methods: Issues in social research on the Internet / Hine C. (ed.). – Oxford, N.Y.: Berg, 2005. – P. 157–170.

-
- Silver J.* The weight of opinion // The Guardian. – L., 2009. – 9 February. – Mode of access: <http://www.guardian.co.uk/media/2009/feb/09/newspaper-comment-pages> (Дата посещения: 12.02.2009.)
- Stempel G., Stewart R.K.* The Internet provides both opportunities and challenges for mass communication researchers // Journalism & mass communication quarterly. – 2000. – L., Vol. 77. – P. 541–548.
- Sudweeks F., Rafaeli S.* How do you get a hundred strangers to agree: Computer mediated communication and collaboration // Computer networking and scholarship in the 21 st century university / Harrison T., Stephen T. – Albany, N.Y.: State univ. of New York Press, 1996. – P. 115–136.
- Sunstein C.* Infotopia: How many minds produce knowledge. – Oxford: Oxford univ. press, 2006. – 288 p.
- Tsaliki L.* Online forums and the enlargement of the public sphere: Research findings from a European project // Javnost – The Public. – Ljubljana, 2002. – Vol. 9(2). – P. 95–112.
- Wiklund H.* A Habermasian analysis of the deliberative democratic potential of ICT-enabled services in Swedish municipalities // New media & society. – L., 2005. – Vol. 7 (2). – P. 247–270.
- Wilhelm A.* Virtual sounding boards: How deliberative is online discussion? // Digital Democracy: Discourse and Decision Making in the Information Age / Hague B., Loader B. (eds.). – L., N.Y.: Routledge, 1999. – P. 153–178.